

Плутон здесь вскрыл сокровищ недра,
И с золотом Пактол разлился;
Натура что имела щедро,
Ея краса предстала вся.
Сапфиры с яхонтами блещут;
Рубин с смарагдом блески мещут
И помрачают взор очей. . . и т. д.

Словом, все 230 стихов «Оды» Михайлы Угрюмова довольно однообразны:

Сего героя толь позная,
О, как взнесу мой слабый глас!
Но всю надежду полагая
На том, что щедр ты всех для нас. . .

Гораздо короче и прямее выразился Василий Рубан. Сочинив известную, действительно небесталанную надпись к Камнюгрому и передавая ее Потемкину, Рубан приложил к ней четверостишие

К ФЕБУ ПРИ ОТДАЧЕ СТИХОВ НА КАМЕНЬ

Мне славу Камень дал, а прочим вечный хлеб:
При славе дай и мне кусочек хлебца, Феб!
Да не истлеет весь от глаза лирный пламень.
Внемли молениям, Феб! Не буди тверд, как камень.

После всего сказанного понятно, что две эпистолы А. Фрязиновского, адресованные Шувалову в 1777 г., отнюдь не являлись чем-то патологическим, а, наоборот, по пронизывающей их меркантильности представляли собой вполне обычное для сервильной поэзии явление.

Сервилизм довольно рано вызвал противодействие поэтов гражданского направления. По-видимому, к весне 1765 г. относится «эпическая поэма» Я. Б. Княжнина «Бой стихотворцев». Рисую в начале песни второй владения богини «Охота писать» («Алчба писать», «Охота сочинять» — т. е. богини Графомании), расположенные в глубине «Геликонских блат», Княжнин на первом месте поместил ревностнейшего служителя богини Графомании, не забыв сразу указать на характернейшие приметы его творчества:

Там Тредьяковский, сей поэзии любитель,
Для рифмы разума, рассудка истребитель,
На куче книг лежя, есть просит, пить в стихах. . .

По той же линии идут обличения «дурных писцов» в «Сатире первой» В. В. Капниста:

Но можно ли каким спасительным законом
Принудить Рубова мириться с Аполлоном?
Не ставить на подряд за деньги гнусных од
И рылом не мутить кастальских чистых вод? . .